

Сергей Голицын: портрет на фоне Вертинского

Век. — 1996 — 12-18 июля (№ 27) —
С. 11.

ИМЕНА МОЛОДЫХ

Сергей ПАРАМОНОВ

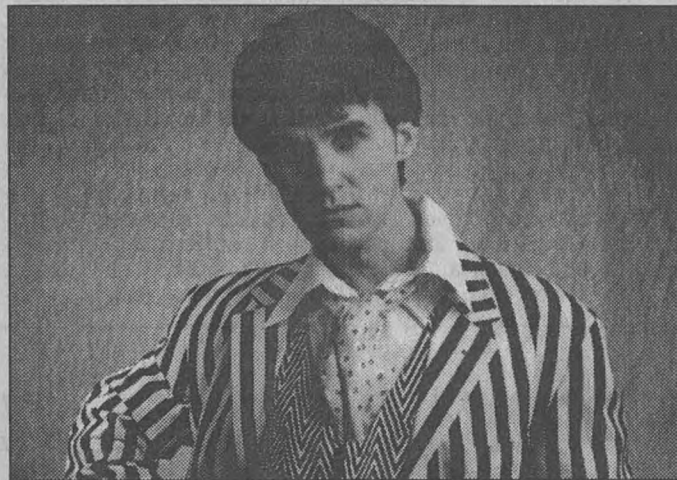
Сергей Голицын — молодой певец, родившийся, выросший и состоявшийся в России, унаследовавший стиль и тайну «Великого Отца» Анастасии и Марианны Вертинских (определение начертано на афише Сергея рукой первой из дочерей).

Сергей Голицын боготворит Вертинского. На сцену вывела его та, что спела «Арлекино», заразила, убила мальчика страшной болезнью кулис. Но не сразу полетел его «Желтый ангел», так, впрочем, и не сев на шпиль Театра песни Аллы (просто театр почил в бозе), и на четвертом курсе Ярославского театрального снизошел на Голицына Вертинский. И увел из драматического театра в свой ирреальный, фантастический мир грез и струящихся одежд «вечного мальчика» с гримасой одиночества и боли.

Вертинского поют Жанна Бичевская и Елена Камбуrowa, поют давно, это эксплуатация-реванш, если хотите, женская транскрипция гения. На волне раскрепощения полов, «сексуальной революции», кажется, Вертинский обрел и свою вторую, мужскую, ипостась. Условности театра (опять же «кабуки»

наоборот), впрочем, допускали сие и раньше, в эпоху строгого разграничения двух человеческих лагерей: «советский человек — новая общность!» Но не на эстраде. Там вообще что было позволено Зыкиной, то не позволялось Леонтьеву. Народная исполнительница, «гордо несшая знамя русской песни», правда, и так не заступала границы, а певец дельтапланов летал тем не менее в пределах якорной цепи, привязанной к его аппарату госнадзором за «воздушным пространством» отечественного искусства. Чтоб там никаких доморощенных Рустов, значит, и прочих Матиусов. Кстати, Сергей Голицын служил в армии и по иронии судьбы надзирал самые уже настоящие воздушные пространства Родины, которой он — «символ».

Мог бы стать и «поручиком», мама-княгиня бы утешилась на старости трудных лет, да стезя иная манила. Не осчастливил он ни Суворовский «кадетский корпус», ни — затем в качестве премьера — прославленные сцены. И инженером не стал, нарочно провалившись в Политех. Он конструировал себя по лекалам искусства. И, бросив вызов былым кодексам, применял титул на ско-

морозью дудку. Но элитарного звучания, выше строевой флейты и ресторанный саксофона. Хотя сакс саксу рознь, жанр Вертинского — салонный, где и столики не противопоказаны, поскольку уже интим и, не приемля категорически иерихонских труб (на чем зиждется XX век второй половины, породивший монстров рока и иже), допускает, и вводит, что называется, в тему «трубу предвечного». «Я не знаю, кому и зачем это нужно...» — гимн антивойне, проклятье тихое и уничтожающее, спел ведь первым тот же Вертинский задолго до Афгана и Чечни.

У Сергея Голицына кукла Пьеро — одна из масок. Сам по себе образ не нов, но разрабатывает его Голицын достаточно бережно и... смело. Он не заковывает себя в трико и меловой грим с нарисованной слезой, его Пьеро живет в новых обстоятельствах, трансформируясь с легкостью в денди, в шулера или даже Арлекина. Неожиданный поворот может принести блажь, случайность — джинсовая черная куртка например. И уже, естественно, песенка со словами «в вечерних ресторанах, парижских балаганах, в дешевом электрическом раю...» ложится на фоно с агрессивно-ритмичной

полифонией, исповедь-жалоба шута, развлекающего жующую публику (знакомый антураж!), становится бунтом, протестом, глухой угрозой. Но шут остается шутком, а публика любит, когда ей норовят откусить палец. И тогда настает утро, и тот, кто метал бисер всю ночь, бредет «бульваром сонным», где даже дети убегают от него... Образ «усталого старого клоуна», чей картонный меч смешон, а не страшен, еще более трагичен от обычности воплощения, нежели был бы исполнен во фраке или смокинге начала века. Ибо ничто не меняется в мире.

Образ — вещь сильная. Актерская сущность исполнителя жаждет развития, и в голове роятся планы и проекты. Например, полноценного спектакля по песням Вертинского! Костюмированное действо, объединенное сквозной идеей — судьбой Артиста, — завораживает уже до воплощения по полной программе. Тем более если театр — настоящий, Марка Розовского. Вечера Камбуrowой у Райхельгауза — уже давняя часть репертуара. Напомню, что заведение называется «Школой современной (!) песни». Почему бы и не Голицын у Розовского? Там, где купринский «Гамбринус»

и легендарные «самосожжения» «хозяина»!

А для эстрады — варьете. И если Лайма Вайкуле не сочтет, что ей наступают на пятки, то дуэт ее с Голицыным обещает не только «паровозную тягу» молодому исполнителю и коллеге, но и обновление ампулы примы, тем паче в дуэте с Леонтьевым, «печальным клоуном», ныне уже и постаревшим — физически, но не творчески, — помнят у нас ее все, даже кто ни разу не посещал вернисажа.

А, может быть, не за горами и голицынские балы? Ведь это же чертовски созвучно! И пусть все возвращается на круги своя, и не декоративный, а настоящий князь предложит гостям руку и пригласит на танго или даже менуэт. Времена временами, а искусство, как черт, чем только не шутит. Шутить — крест шута. А шут и в Дворянском собрании может себе позволить не целовать ручку «государю», а запанибрата пожать. Все-таки фамилия подревнее, и вообще — факт исторический, хоть и недавний. Можете спросить у цесаревича Георгия, что происходит в городе Париже и все-рез готовится к восхождению на российский престол — когда народ призовет.